

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Оформление серии *Алексея Дурасова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация *Марины Мовшиной*

Прозоров, Александр Дмитриевич.

П79 Месть княгини Софьи / Александр Прозоров. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Ожившие предания. Романы А. Прозорова).

ISBN 978-5-04-104295-0

Княгиня Софья не смогла пережить предательства возлюбленного — князя Звенигородского. Раскрыв правду о рождении их сына, он поставил под угрозу права Василия на московский трон.

Слепая месть заставляет княжну забыть про чувства и сделать все, чтобы сохранить секрет.

Сможет ли князь остановить Софью до того, как ее месть пройдет кровавой дорожкой по его роду и земле Русской, или сам падет жертвой коварных замыслов?

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104295-0

© Прозоров А., 2019
© Мовшина М., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

27 сентября 1433 года

*Галичский тракт в сорока верстах
от Юрьевца, близ реки Кусь*

Небо над заволжскими лесами затянуло низкими, тяжелыми облаками, угрожающими вот-вот пролиться холодным осенним дождем. И затем наступит время долгой и нудной распутицы. Все дороги, кроме самых главных трактов, засыпанных песком и галькой, размокнут, превращаясь в липкую глиняную грязь, колеи наполнятся водой, болота поднимутся, затапливая низины, валежник в лесах намокнет, лишая путников топлива для костров, да и сами придорожные стоянки станут чавкающим месивом, в которое уже не приляжешь отдохнуть на мягкую шелестящую траву, мечтая о ночной встрече с нежной и прекрасной берегиней — каковые, по слухам, по сей день иногда навещают на отдыхе честных и добрых путников.

В такую погоду разумный человек предпочитает сидеть дома: готовить к зиме сани, набивать сеновалы и погребя да накрывать дранкой поленницы, спасая дрова от будущих ливней, а не в дальний путь отправляться.

Для путешествия, знамо, лучше дождаться заморозков — когда грязь схватится, превращаясь в скользкий от

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

ледяной корки твердый камень, а прочая земля хотя бы припухнет снегом, как бы приглашая на себя широкие полозья саней.

А коли еще немного терпения проявить, то лужи, болота, ручьи и вовсе покроются толстым прочным панцирем, заменяющим любые мосты и гати.

Вот тогда и настанет самое лучшее время для дальних поездок! Куда ни повернешь — ни ям тебе, ни грязи, ни топей. И даже вчерашние болота становятся ровной и гладкой дорогой.

Покуда же небеса дождями плачут — лучше дома сидеть да крапиву прошлогоднюю на нитки лущить. Нить крапивная хороша — не гниет, не тянется, не рвется. Для сетей и бредней — самое то...

И тем не менее в сие неурочное время по уже влажно-му от висящей в воздухе водяной пыли Галичскому тракту неспешным шагом двигались восемь всадников. Саблы на поясах, щиты и луки на крупах коней, толстая броня на теле и рогатины в седельных петлях выдавали вышедших в поход воинов. Трое ратников были в броне железной — один в кольчуге, а двое в чешуйчатых куюках¹. Остальные — в толстых, засаленных тегиялях, крытых сукном, плотно набитых конским волосом и простеганных мягкой железной проволокой.

Сиречь: трое были детьми боярскими — причем не самыми знатными, судя по простеньким поясам, почти без украшений. Пятеро — обычными холопами.

И потому больше всего сей малый отряд напоминал обычный сторожевой разъезд.

¹ К у я к — доспехи из железных пластин, нашитых на кожаную или матерчатую основу.

Правда, для дозорных ратники вели себя не самым правильным образом. Щиты находились у них не в руках, а лежали на крупах коней, рогатины болтались возле стремени, шлемы висели на луках седла рядом с колчанами. И смотрели воины не столько по сторонам, сколько на упитанного бородача в кольчуге, каковой громко рассказывал:

— ...и вот покуда она Триглаве кланялась, к нам на подворье тещь с тещей прикатили. Ну, я, знамо, холопов послал баню топить, сам припасы привезенные в погреб перетаскал, покуда гости сундуки свои в дом относили. Когда бочонки перекачивал, на штаны рассолу капустного набрызгал. Ну, и гости, сами понимаете, взмокли. Теща исподнюю рубаху свою стянула, потную-то, и на лавку бросила...

— Че, прямо при тебе, Велиша? — оживленно полюбопытствовал облаченный в кюяк молодой воин с короткой темной бородой клинышком и с толстой войлочной тафьей на бритой голове.

— Та не-е, — отмахнулся воин. — Они с тестем париться ушли! Я же в опочивальню к ним заглянул... Ну, в смысле в горницу, в которую гостей на постой определил. Глянул хозяйским оком, чего там, как? Прибрано ли, хорошо ли, чего родне понадобится может? Тюфяков там принести, лавок добавить али еще чего потребно? Ну, а поелику един в доме остался, порты, рассолом залитые, скинул. И пояс снял. Ну, жарко, и мокрый весь! Но, как бы со всеми приличиями, без сраму. Рубаха-то до колен! Ничего лишнего не видать.

Прислушиваясь к рассказу, головные холопы приот-

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

стали, задние подтянулись, наострив уши и не отрывая глаз от боярского сына.

— Стало быть, выхожу я такой из гостевой опочи-
вальни, — отер густые кучерявые усы воин, — без порток
и пояса и вижу, как супруга моя тама в светелке стоит и
на рубаху женскую смотрит. Я, стало быть, обрадовался
и сказываю: «Как вовремя ты, милая, вернулась!» А она
табуретку схватила и со всего замаха — тресь меня по
башке! Скамейка аж на доски рассыпалась, а у меня пе-
ред глазами искры закружились. А ей мало! Она ножку
в руке удержала — и ну меня ею охаживать, похабщину
всякую выкрикивая! Я же понять никак не могу, что за
бес в нее вселился?! Токмо прячусь. А она следом несет-
ся, да шустро-то как! Да деревяхой этой то промеж лопа-
ток, то по голове, то по плечам, да при всем при том меня
же еще и всячески поносит!

— Так дал бы ей под дых али в рожу! — не выдержал
молодой ратник. — Она бы враз и успокоилась!

— Ага, конечно... — покачал головой третий воин с
аккуратной окладистой бородой и короткими русыми во-
лосами. — Жену по брюху кулаком! Коли супругу изуве-
чишь, с кем потом век куковать? Со смоквой тоскливой
и бесплодной? По лицу бить — и вовсе дурость послед-
няя. Захочешь опосля приласкать да поцеловать, а перед
тобой заместо милого личика перекошенное с синяком
под глазом да челюстью набекрень. Не-е-ет, так посту-
пать нельзя, неправильно. Меня еще по молодости, как
медовый месяц миновал, волхв научил, что жену карать
надобно со всем уважением. Во первую голову, позорить
ее никак нельзя и потому наказывать надлежит в уеди-

нении, слуг всех прогнав и от детей подальше уведя. Во вторую голову, наказывать надобно не кулаком али еще какой штукой сдуру, а тоненьким ремешком, дабы вреда здоровью никакого не причинять¹. Увести в светелку дальнюю, возле лавки крепкой наклонить, юбки и рубаху исподнюю на спину ей задрать, так, чтобы повыше... Да-а... — воин замолк...

— Чего мычишь, Беролом? — не выдержал молодой. — Помогает?

— Да уж раз двадцать пытался, ни разу до ремня дело не дошло... — развел руками Беролом, и весь дозор отозвался оглушительным хохотом. Воин же повернулся к бородачу в кольчуге: — Так чего там далее было-то, боярин? Выбрался ты из сей передряги али забила тебя супружница до смерти?

— Э-э... — почесал тот в затылке. — О чем это я? А-а-а, да. В общем, чего там дурная баба себе удумала, я на тот миг еще не сообразил, и потому всерьез помыслил, что злой дух в нее вселился. А как духов изгоняют? Знамо, водою колодезной. Ну, я, от колотухи оберегаясь и супружницу покамест не трогая, через дом пробежал да во двор, и вниз, и к коновязи. Там аккурат бочка с водою стояла. Я до нее добеж, наклонился, под палку поднырнул, жену на плечо поднял, да вниз головой в бочку сию и заметнул. Распрямляюсь, духа не успел перевести, — ан передо мною тесть с тещею стоят. Угораздило их, понимаешь, ужо попариться и не к месту на двор выйти! И взгляд у них у обеих таковой, я вам скажу, что словами не передать...

¹ Домострой, гл. 42:5.

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

Двое передовых холопов повалились из седел молча, никто и понять ничего не успел. Рассказчик даже не прервался. Но уже через миг длинные стрелы с гранеными наконечниками ударили по боярским детям. Молодому воину одна из них пробила лоб, а другая — живот, Беролому сразу три впились в грудь и плечо, а четвертая попала прямо в горло.

Трое уцелевших всадников натянули поводья, торопливо поворачивая коней — но лучники, понятно, оказались быстрее, и стрелы с легким зловещим шелестом глубоко впились в тело, пробив пухлые стеганные халаты...

* * *

Спустя полтора часа двое запарившихся всадников, вырвавшись из тесной лесной дороги на небольшую поляну, осадили покрытых розовой пеной скакунов перед небольшим отрядом явно знатных людей, богато наряженных кто в алые плащи, крытые добротным индийским сукном, кто в тяжелые шубы, украшенные жемчугом и самоцветами, кто в войлочные подшлемники, а кто в собольи и бобровые шапки. Весь отряд сверкал дорогими перстнями на пальцах, ожерельями и цепями на шеях, и сидели все путники верхом на драгоценных туркестанских лошадях, каждая ценою в целый табун обычных скакунов...

Не иначе — князя родовитые али самые достойные бояре!

Сбив шапки перед князьями, оба всадника поклонились прямо из седел и почти одновременно выдохнули:

— Московская дружина впереди!

А затем уже по очереди добавили, снова кланяясь знатым людям:

— Княже... Княже...

— Москва? Откуда?! — переглянулись князья.

— Мы дозор ихний на переходе сбили! — спешно отчитался один из гонцов. — Стрелами посекли!

— Зачем же посекли?! — повысив голос, привстал на стременах широкоплечий всадник с накинутой на плечи вместо плаща лисьей шубой. — Живые они надобны! Мертвых не допросишь!

— Не совсем мертвые, Василий Юрьевич! — поспешил уверить второй дозорный. — Половина токмо представилась. Трое еще дышат. Они о враге и поведали.

— Мы так помыслили, — добавил его спутник, — известие сие зело важное, поспешили доставить. Раненых с разездом оставили. Они бы скачки не перенесли.

— Надобно было хоть пару ворогов живыми вязать! — продолжил отчитывать ратников воевода. — Зачем валили всех подряд?!

— Так это, княже... — с тревогой переглянулись гонцы. — Видим, едут мужи оружные, гомонят на весь лес... Татары отродясь так себя не вели! Да и служивые не должны. Время для походов ратных ныне неуместное, распутица на носу. Мы так помыслили: ушкуйники сие али тати лесные, душегубы-разбойники. Чего их жалеть-то, дрянь поганую? Вот из-за кустов луками и посекли...

— Неуместное, неуместное... А сами мы кто?! — грозно рявкнул старший сын звенигородского князя. — В нежданное время по врагу ударить — самое милое дело! Когда не ждут, не готовы, расслабились...

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

Дозорные испуганно переглянулись и снова попытались оправдаться:

— Вестимо, бояре московские тоже... Не ждали...

— Но вы-то, вы должны были...

— Обожди, брат! — Выехал вперед всадник безусый, но уже плечистый, в синем суконном плаще с рысьим подбоем и лисьим воротом, сколотым на плече фибулой, сверкающей агатами и яхонтами. Пояс юноши отливал золотом накладок, а ножны белели резной слоновой костью. Сразу видно — воин знатнейший из знатных. Тонкие черты лица, острый нос, голубые глаза. И раз уж он назвал звенигородского княжича братом, несложно было догадаться, что в разговор вмешался средний сын лучшего воеводы ойкумены Дмитрий Юрьевич.

— Чего тебе, Димка? — оглянулся на него Василий Юрьевич, но средний из сыновей звенигородского князя обратился не к нему, а к дозорным:

— Сколько дружинников под московским стягом? Кто ведет, как далеко?

— Бают, тысяч семь собралось, — облизнулся один из дозорных. — Хотя, может статься, и привирают для страху. А разъезд, знамо, впереди полков на день пути... Князь Василий Серпуховской у них за воеводу.

— Князь Серпуховской... — задумался старший из княжичей и мотнул головой: — Нет, не помню такового. А ты?

— Нет. — Дмитрий Юрьевич оглянулся на третьего всадника в дорогих одеяниях, совсем еще мальчишку лет шестнадцати на вид. — А ты, братишка?

— Нет... — пожал плечами младший из княжичей и тронул пятками скакуна, продвигаясь вперед на несколько шагов.

Он тоже был голубоглазым, крепким, с развернутыми плечами и тонкими чертами лица. Любому понятно — одна кровь.

— Коли в переходе идут, то ночевать, вестимо, на Коровьем Языке собрались, на водопое у излучины Куси, — пригладил свою небольшую, пушистую и совсем еще мякенькую юношескую бородку Василий Юрьевич и словно бы оценивающе потер волоски между пальцами руки. Затем резко поднял взгляд на гонцов: — Вы разъезд весь положили, никто не ушел?

— Никто, — поспешно замотали головами воины.

— Выходит, московские воеводы о нас пока ничего не знают... — сделал вывод старший из княжичей.

— Коли дозор к вечеру к своим не вернется, московские воеводы о нашей близости догадаются, — предупредил средний княжич.

— Встревожатся! — вскинув палец, поправил его Василий. — Не догадаются, но встревожатся. Но это тоже плохо. И, стало быть, до вечера надобно успеть...

— Чего успеть? — громко поинтересовался младший из братьев, однако Василий его не расслышал. Он растегнул поясную сумку, достал весьма увесистый кошель и бросил дозорным:

— Молодцы! — После чего он повернулся к свите и быстро, четко начал отдавать приказы: — Заводных коней к полкам! Надеть броню! Обоз бросить с возничими, охрану — в строй. Мне нужны все ратники до последне-

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

го! Без телег мы втрое быстрее пойдем, успеем к Языку вовремя.

— Но их же семь тысяч, брат! — не выдержал младший из княжичей. — А нас хорошо, коли пятнадцать сотен!

— Зато мы о них знаем, а они о нас — нет, — через плечо ответил старший из Юрьевичей. — Вот когда к вечеру дозоры не вернутся, москвичи наверняка настожатся, изготовятся к схватке, и вот тогда точно случится беда. Посему выбор у нас простой... — Василий потянул повод, заставив тонконогого скакуна повернуться к собеседнику. — Али бежать, ако зайцы трусливые при виде тетеревятника, али самим кречетами стремительно напасть, покуда не ждут. Ты хочешь прослыть трусом, братишка?

Юный Дмитрий Юрьевич медленно покачал головой.

— Тогда, выходит, выбора и вовсе не осталось, — пожал плечами галичский княжич. — Вели холопам скакать за твоей броней! Всего полдня осталось, а нам надобно успеть и снарядиться, и еще пятнадцать верст промчатся до первых сумерек!

* * *

На Коровий Язык московские полки начали выходить задолго до вечера — медленно, лениво, словно бы устало. Воины выезжали по четверо в ряд, ибо на узком тракте больше всадников стремя к стремени не помещалось, — и растекались в стороны по обширному наволоку¹ при-

¹ Н а в о л о к — затопляемые весенним половодьем земли. По причине длительной заболоченности эти луга непригодны для земледелия и не зарастают лесом, но зато считаются отличными пастбищами и сенокосами. Со второй половины лета, разумеется.

мерно четырехсот сажений¹ в ширину и не меньше версты длиной.

С одной стороны этот громадный луг омывала мелководная речушка Кусь, с другой огибал плотный зеленый ольховник, слабо шелестящий листвою и громко чирикающий голосами тысяч невидимых птиц. Появление из леса все новых и новых сотен людей осенних птах отчего-то ничуть не беспокоило. Вестимо — пернатые малыши слишком ценили последние теплые дни перед совсем уже близкими неизбежными морозами.

Между тем вооруженные саблями и топориками путники спешивались, расседывали скакунов и начинали заниматься хозяйственными делами. Кто-то вел лошадей к водопою, кто-то отправлялся в лес за дровами, кто-то раскладывал потники, стеганые халаты и седла, готовя стоянку. Судя по простеньким поясам и одеждам, потертым ножнам и явно старому оружию, все эти мужчины были самыми худородными из бояр да обычными холопами.

Впрочем, оно и понятно. Не князьям же и знатым боярам грязной работой заниматься!

Полчаса, час, поток всадников непрерывно вытекал и вытекал на обширный заливной луг: ратники разъезжались по своим отрядам, спешивались и отпускали подруги, отдавали лошадей коноводам, подключаясь к общим хлопотам. Тут и там, отчаянно дымя и потрескивая, медленно разгорались костры. Найти сухие дрова во влажной осенней роще оказалось не так-то просто, и

¹ С а ж е н ь (народная, по умолчанию) — это рост человека. Хотя различных вариантов меры с таким названием историки насчитывают многие десятки.